

Алексей Андреев

«Креветка»

Не успели стихнуть аплодисменты, как на сцене появился следующий докладчик. Худощавый, в чёрной водолазке, он незаметно выдвинулся из тьмы кулис, словно кукловод из театра теней, и теперь ловил в шуме зала тот подходящий момент, когда можно будет начать, не теряя драгоценного времени.

– Объём памяти и скорость доступа, – произнёс он.

Те, кто собирался выйти подышать после предыдущего выступления, остановились. Но вообще желающих выйти оказалось гораздо меньше, чем входящих. Самый большой зал галереи «Тейт Модерн», знаменитый Турбинный Холл, был уже набит под завязку, а слушатели продолжали стекаться через все входы: многие приехали именно ради этой презентации. Даже на балконе второго этажа собралась изрядная толпа. Кто-то из новоприбывших запустил едва заметную «стрекозу», чтобы получше заснять докладчика, но летающая камера смогла подняться лишь на пару метров, после чего была захвачена какой-то невидимой силой и направлена к будке охраны, прямо в прозрачный контейнер с изображением перечёркнутой мухи.

– Объём памяти и скорость доступа, – громче повторил человек в чёрном. – Спасибо коллеге из IBM, который только что озвучил поистине грандиозные достижения своей компании в этих направлениях. Ведь это два главных показателя, по которым мы оцениваем уровень жизни наших цифровых личностей, наших бессмертных дигиталов. Не так ли?

Зал молчал, и человек на сцене с лукавой гримаской добавил:

– А может, эти цифры просто удобны для бизнеса компании, которая, как утверждают ультразелёные, просто старается продать нам побольше чипов?

По залу прокатились смешки. Докладчик махнул рукой, словно отгоняя стаю назойливых рекламных махаонов.

– Ну, кто же на трезвую голову слушает ультразелёных?

Новые ухмылки зрителей: контакт с аудиторией налажен.

– На самом деле, мы бесконечно благодарны парням из IBM, обеспечившим нам такую мощную техническую базу. Но!..

Он поднял палец, и зал затих.

– Но при таких успехах в техническом обеспечении дигиталов нам пора задуматься о других потребностях этих новых членов нашего общества. Чем живут наши цифровые граждане, что их радует или огорчает? Как они развлекаются? Или

вы думаете, что если оцифровали свою бабушку, так больше и заботиться о ней не нужно?! Что ж, давайте спросим у самой бабушки. Марисса, вы нас слышите?

На стене позади докладчика появились огромные буквы «BT», а над головами собравшихся пролетела мелодия популярного рингтона, первые такты «Волшебной флейты» Моцарта. Буквы на стене сменились лицом старушки в бледно-сиреневых кудрях. Старушка улыбалась так широко, что её можно было заподозрить в лёгком сумасшествии.

– Здравствуйте, Иан... и все друзья Иана, – проговорила старушка, не переставая улыбаться.

– Приветствую вас, Марисса. Как вы сегодня?

– О, просто прекрасно! Знаете, Иан, это удивительное чувство, когда ничего не болит! В обычной жизни у меня ведь было столько проблем с ногами. А потом ещё рак...

– Да-да, Марисса, мы все осведомлены о железном здоровье дигиталов. Но скажите, как проходит ваша облачная жизнь? Не скучно ли вам теперь, когда ничего не болит?

В зале захохотали, но старушка ничуть не обиделась. Она выпростала из-под вязаного пледа костлявую руку и указала куда-то вбок. На стене возникла россыпь маленьких окошек с лицами.

– Мне совсем не скучно, Иан. Смотрите, сколько у меня друзей. Мы так много общаемся...

– Но, Марисса, я думал, вы расскажете нам о другом! О более личном и чувственном. О новом сервисе, который мы запустили на прошлой неделе. Или, лучше сказать, о новой форме искусства? Смелее, Марисса! Мы ведь специально собрались в том самом месте, где демонстрируют передовое искусство всего мира!

– Ах, я прямо стесняюсь... – пробормотала старушка. – Но, если вы так просите... Да, я ведь должна показать другим, как это замечательно. Но как же это назвать? Ага, мне тут подсказывают: «добровольные участники сети обмена сенсорным опытом». Вот они, мои дорогие сенситы. И я могу к ним подключаться.

Она снова взмахнула рукой в пледе, точно огромный гриф, и на стене вместо неё появилось три окна. В левом юная блондинка стояла посреди залитого солнцем луга. В среднем – полноватая женщина лет тридцати, азиатского типа, лежала на бамбуковой циновке в очень откровенной позе. А в правом окне латиноамериканец модельной внешности демонстрировал блестящие мышцы на фоне песчаного пляжа.

– Здравствуйте ещё раз! – сказала девушка из левого окна. – Это снова я, Марисса. Сейчас я смотрю на мир глазами Оксаны из Киева. И чувствую всё, что

чувствует она. Оксана сдаёт мне своё тело на четыре часа в день. Совершенно добровольно.

Камера переключилась, и теперь весь зал тоже видел мир глазами Оксаны. Девушка сорвала и понюхала листик мяты, а затем побежала через высокую траву к реке, на ходу сбрасывая одежду. Она с визгом пронеслась по шатким деревянным мосткам и плюхнулась в воду. Зрители инстинктивно отшатнулись, когда с огромного экрана на них накатила волна с брызгами.

После этого облачная Марисса показала, как она вселяется в полноватую Нию из Бангкока и встречает её друга в сумраке бунгало, украшенного цветами и свечами – парочка явно намеревалась дополнить этот интерьер ещё более романтичными занятиями на бамбуковой циновке. В зале раздались громкие охи и причмокивания... но тут докладчик в чёрном щёлкнул пальцами, и изображение погасло.

– Думаю, нам не стоит подсматривать, что делает дальше наша скромная Марисса в теле красотки Нии. Или что она вытворяет, когда подключается к Паоло, этому горячему атлету из Колумбии, – он понизил голос до шёпота. – Но я открою вам секрет: они качают трицепсы.

Смех и аплодисменты были ему ответом.

– Вы сами знаете, друзья, где найти детальное описание нашего нового сервиса «Сенсит» для ваших цифровых друзей и родственников... На этом у меня всё. Спасибо за внимание! Да, и у нас есть время для вопросов из зала.

Только лишь он произнёс эти слова, как из самого дальнего угла Турбинного холла раздалось “Хейа!”, и над головами взметнулась рука. Докладчик посмотрел на человека, решившего задать вопрос, и слегка наклонил голову набок, прислушиваясь к невидимому советчику.

Кажется, ему не понравилось то, что звучало в наушнике: он заметно поморщился.

Но других поднятых рук в зале не наблюдалось. А громкое “Хейа” было произнесено как раз в такой момент внезапной тишины, какие любил и сам человек в чёрном: многие услышали и обернулись.

– Пожалуйста, доктор Орэрэ, – сказал докладчик.

Широколицего мужчину, на которого упал свет прожектора, некоторые поначалу приняли за китайца. Но вскоре засомневались, поскольку его треугольная борода была какой-то подозрительно рыжей, да и заговорил он на очень чистом английском, словно диктор BBC:

– Вы сказали, что дигиталы – это «члены нашего общества», и в целом представили их как живых людей, которые просто переселились в другое место. Но все должны понимать, что цифровая копия человека – это не сам человек. Принципиально дигиталы не отличаются от цифровых обликов на кладбищах: ну,

вы знаете, когда личный искин покойника имитирует своего усопшего хозяина. Но никому же не приходит в голову считать эту голограмму «членом нашего общества», и тем более – сдавать ей в аренду тела живых людей для развлечения...

Докладчик на сцене натужно улыбнулся и выставил вперёд обе руки, словно пытаюсь остановить наглого оратора. Но тот и не думал останавливаться:

– Если бы вы производили такую последовательную замену нейронов, которая позволяла бы сохранять непрерывность сознания – как это происходит в живых организмах, когда новые клетки сменяют старые, однако организм в целом остаётся тем же... Но увы, вы говорите лишь о создании копии, в то время как оригинальный организм полностью умирает, поэтому никакого бессмертия...

Человек в чёрном щёлкнул пальцами, и голос оратора из дальнего угла смолк. Вернее, его могли ещё слышать те, кто стоял совсем близко, но микрофон и прожектор над ним отключили, и весь зал обернулся к докладчику на сцене, который оставил право громкого голоса только за собой:

– Как я понял из этого многословного вопроса, коллега подвергает сомнению правовые нормы, определяющие место дигиталов в нашем мире. Но смею уверить вас, друзья: точность сканирования нейронных сетей в наших сертифицированных дигитариях настолько высока, что цифровое воплощение человека проходит все тесты на идентификацию личности. А значит, с юридической точки зрения, дигитал может считаться тем же самым членом общества. Я бы даже сказал – более легитимным членом общества, чем такие гости нашего города, как доктор Орэрэ с его дигитофобным шовинизмом и сомнительной визой!

На последней фразе докладчик развёл руками и скривил такую гримасу, что зал вновь наградил его смехом. Тут же нашлись ещё желающие задать вопросы, и человек в чёрном с гораздо большей охотой стал отвечать о том, сколько всего добровольцев-сенситов сейчас доступно в разных странах, и может ли дигитал подключиться к нескольким сенситам одновременно, и каков будет статус ребёнка, который родится у тайской Нии, если она забеременеет именно тогда, когда её телом будет пользоваться облачная Марисса...

Никто не заметил, что в это время к доктору Орэрэ подошли сзади два человека в форме охранников галереи и предложили пройти вместе с ними. Любитель неудобных вопросов заявил на это, что он не собирается никуда идти, поскольку ещё не дослушал выступление, и, более того, он сам приглашён сюда выступать на этой же сцене в следующей секции докладов. Тогда один из охранников ткнул несговорчивого оратора шокером в шею, и тот отключился.

###

Доктор пришёл в себя через несколько минут, когда его волокли по пустому техническому коридору где-то в недрах галереи. Вырваться не удалось, охранники

были к этому готовы и ещё сильнее заломили ему руки за спину. Он слабо вскрикнул, и тут словно кто-то прочитал его мысли.

– Вы должны немедленно отпустить этого человека, – сказал звонкий голос.

Доктор Орэрэ извернулся и поднял голову. Посреди коридора стоял светловолосый молодой человек в круглых очках. Аккуратный серый костюм-тройка делал его совсем похожим на школьника. В левой руке он держал круассан в салфетке, в правой – потёртый кожаный кейс.

– А если не отпустим? Застрелишь нас своей булкой? – спросил один из охранников. Второй фыркнул и положил руку на шокер: – Отойди-ка с дороги, парень.

Молодой человек не шелохнулся. Орэрэ снова подумал, что перед ним какой-то персонаж из детства. Ну да, точно – Гарри Поттер. Если бы только Поттер стал блондином и немного подрос. В любом случае сомнительная защита от таких амбалов...

– Как адвокат доктора Орэрэ, я уполномочен заявить, что вы совершаете серьёзное правонарушение в отношении моего клиента, – спокойно проговорил блондин. Он поднял руку с круассаном и коснулся мизинцем дужки очков: – Сейчас я веду запись вашего правонарушения и транслирую эту запись окружному юристину Лондонского Сити. Никакого обвинения моему клиенту не предъявлено, а ваша лицензия не даёт вам права задерживать уважаемых посетителей с применением силы и спецсредств. Если я дам делу ход, ваше руководство не захочет огласки – это вредно для мировой репутации галереи. Поэтому вас, скорее всего, уволят задним числом, что сильно ударит по вашему карману... Петя, морды пробил?

Он на миг замолк, прищурил левый глаз, затем указал круассаном на охранника с шокером:

– Вы, Робби, не сможете выплатить свою крипотекку, и, кстати, вы сильно переплачиваете, лучше бы вам сменить банк. А вы, Джошуа... Где хоть вы подцепили такую редкую болезнь? Ах да, вижу ваш подпольный форум... Увлекаетесь слепым рандомизированным сексом? Это круто, Джошуа. Уважаю экстремалов. Но на лекарства вам не хватит, если вы сейчас же не отпустите моего клиента.

Охранники переглянулись и одновременно толкнули доктора Орэрэ вперёд, под ноги блондину, а сами шмыгнули в какую-то боковую дверь.

– Спасибо, но мне не нужен адвокат, – сказал доктор, поднимаясь и отряхиваясь.

– Да вы и не можете себе этого позволить, судя по вашим сандалиям, – заметил молодой человек. – Однако у меня к вам есть важное дело. Но я не могу делать никаких предложений в ситуации, которая впоследствии может быть интерпретирована как давление на подсудимого в безвыходном положении. Короче, надо валить отсюда.

– Но ведь меня отпустили...

– Ещё нет. Преподобный Иан Доббс, которого вы задели своей речью, – очень злопамятный. И у этих багнутых техносектантов очень длинные руки. Сейчас они выяснят, что я не являюсь вашим адвокатом. Зато ваша проблема с визой наверняка получит продолжение... Кстати, что за проблема? Вы же вроде из Новой Зеландии, а она входит в Семиглазый Союз.

– Нет, я из Новой-Новой. Иногда её называют Зеландия-3, чтобы не путать... Это искусственный континент. Технологии у нас не хуже Сингапура, а вот с политическим статусом до сих пор проблемы. Даже при наличии официального приглашения на эту конференцию мне дали лишь трёхдневную визу со множеством ограничений. Понимаете, они считают, что если континент выращен с помощью живых криспер- кораллов, то это вообще не географический объект, а просто...

– Вижу-вижу, – молодой человек жевал круассан и при этом смотрел куда-то вверх, прищурившись. – Ваша виза аннулирована две минуты назад: хулиганство, сопротивление при задержании, подозрение в подготовке теракта... Ну вот, я же говорил. Теперь у них есть полное право сдать вас в полицию и моментально депортировать. Идёмте скорей. Петя, покажи мне схему здания и трэкай охрану!

Он вытер рот салфеткой, убрал её в карман и быстро пошёл по коридору. Доктору Орэрэ ничего не оставалось, как последовать за ним. Метров через двадцать блондин свернул за угол, потом ещё раз – и они выскочили в один из публичных залов галереи. По всему помещению с потолка свешивались длинные светящиеся лианы, некоторые из них тут же потянулись к доктору Орэрэ. Он отпрянул, но молодой человек сказал: «Нет-нет, именно туда» – и потащил его под локоть в самую гущу этих лиан. На противоположной стороне зала оказалась арка; через неё они попали в широкий коридор, ведущий к центральному входу. Нужно было только спуститься по лестнице. Но тут блондин резко остановился.

– Да, Петя, я понял. А ты можешь нюкнуть камеры? А двери? Нет? Ну какой же ты...

Дальше доктор Орэрэ услышал несколько слов на неизвестном ему языке, но слова эти были такими скрежещущими, с таким количеством шипящих звуков, что не оставалось сомнений: это ругательства.

– Охрана на входе уже оповещена, и нас не выпустят, – сказал молодой человек, обернувшись к доктору. – Но, как говорил один известный юрист, мы пойдём другим путём.

Они вернулись в зал со светящимися лианами и вышли из него через другой угол, где тоже была арка. На этот раз перед ними открылась ещё более странная экспозиция: посреди зала стоял огромный прозрачный куб с живым пятиметровым динозавром внутри. *Tarbosaurus bataar*, вспомнил доктор Орэрэ. А подойдя ближе, заметил, что у динозавра очень необычная, зеркальная кожа, так что посетитель выставки даже может увидеть своё

искажённое отражение в бедре ископаемого ящера. Наверняка в этом был какой-то символизм, но доктор Орэрэ не разобрался в современном био-арте.

Зато динозавр, посмотрев ему в глаза, произвёл классификацию без сомнений: он открыл огромную пасть и зарычал.

– Петя, а вот эту клетку крикнуть можешь? – крикнул блондин. – Нам надо хоть какой-нибудь шухер навести... Да не будет никакого вреда людям! Он же беззубый и обколотый... Чего? Да пошёл ты к Багу со своей третьей поправкой! Вот вернёмся домой, я тебя пропачу по самую маму.

Он побежал через зал мимо куба с динозавром. Орэрэ старался не отставать. На следующем повороте им встретилась дверь на лестницу. Они быстро спустились на нижний этаж и упёрлись в ещё одну дверь, широкую и массивную. Очевидно, она вела на улицу, но была заперта.

– Извините за задержку, – сказал молодой человек. – К сожалению, мой персональный искин слишком законопослушен, а потому совершенно бесполезен в данной конфигурации. Придётся использовать дедовские методы. Обратимся к высшим силам, так сказать.

Он опустил на пол свой кожаный кейс, открыл его и вытащил две... палочки благовоний? Доктор Орэрэ не хотел верить своим глазам, но дальше всё происходило именно так, как делали опасные религиозные фанатики в фильме «Кошмар Калькутты»: блондин вынул зажигалку, подпалил благовония и поднял руки вверх в молитвенном жесте.

«Неужели, избавившись от амбалов одной секты, я угодил в лапы другой», – подумал Орэрэ. Он обречённо смотрел, как клубы дыма от индийских палочек поднимаются к потолку, и только тут заметил розовый глазок противопожарного сенсора. Луч лазера потонул в дыму, запищала сигнализация, – и в двери тут же щёлкнул замок, открывая выход на улицу.

На середине моста Тысячелетия они обернулись. Из всех дверей галереи «Тейт Модерн» выбегали испуганные посетители, а зеваки с улицы, наоборот, подтягивались поближе. Над ними кружили пожарные и полицейские кибы, визжали сирены, и во всём этом даже было что-то привлекательное, вроде большого уличного представления.

– Теперь можно о деле, – сказал молодой человек. – Я являюсь младшим партнёром адвокатского бюро «Иванов, Петров и Глэдстоун». Наш клиент...

– А вы, значит, Глэдстоун? – перебил доктор.

– Нет, что вы! – блондин как будто даже испугался такого предположения. – Глэдстоун уже того... чистый дигитал. Вы читали Гоголя? Нет? В общем, Глэдстоун был нам нужен, чтобы зарегать офис в Лондоне, ну и для некоторых других формальностей. А в остальном он просто флэшка на два петабайта, валяется в сейфе у моего старшего партнёра. А мне старший поручает самые гиблые дела... Ох, я же забыл нормально представиться.

Он протянул руку, и они с Орэрэ обменялись рукопожатием, чтобы их искины могли перекинуться электронными визитками.

– Паразитолог? – воскликнул адвокат. – Ладно, мы это подправим.

Доктор Орэрэ хотел возразить: с какой стати нужно подправлять его визитку? Но тут его собственный искин, более примитивный и тормозной, развернул на сетчатке доктора визитку собеседника, и доктор тоже не смог сдержать удивления:

– Игорь? Вас назвали в честь героя фильма про Франкенштейна?

– Думаю, мы сработаемся, – хмыкнул адвокат. – Но всё же к делу. Наш клиент, очень крупный IT-бизнесмен, немного сдвинулся на идее продления жизни. При этом он человек образованный и отлично понимает, сколько жуликов и психов лезут в эту область. К слову, он является и главным спонсором конференции, на которой вам так и не удалось выступить. Однако вы можете выступить перед более вменяемой аудиторией. То есть перед нашим клиентом. Только для начала было бы здорово, если бы вы изложили суть своего доклада мне. Буквально в двух словах. Как там у вас в научных статьях называется? Абстракт?

– Ну... – доктор Орэрэ привычным жестом огладил бородку. – Как я уже сказал там в галерее...

– Извините, я не был на том выступлении, – прервал его адвокат. – Я завтракал в кафе вон там, на Хай Тимбер Стрит. – Он показал рукой на другой берег Темзы. – Кстати, там у меня и киб припаркован. Давайте пойдём в ту сторону, потому что через двадцать минут начнётся санитарный дождь.

– Но откуда же вы узнали про моё...

– Это Петя. Он мониторит все выступления по теме, которая волнует нашего клиента. Самое необычное присылает мне.

– Неужели ваш искин разбирается в таких сложных материях? Хотя... Да, пожалуй, все модные «технологии долгожителей» можно разбить на четыре-пять групп, так что вашему искину было легко обучить свой классификатор и выявлять то, что не вписывается...

– Нет, что вы! Доверять машинному обучению семантику опасно. У моего Пети мониторинг работает гораздо проще. На чистой физиологии: пульс, дыхание, интонации, жесты. Он определяет, насколько выступающий говорит правду и насколько неадекватно реагируют окружающие. Ваш случай – пока что высший рейтинг по обоим параметрам. Но в чём состоит ваша идея, я до сих пор не знаю. Так что изложите, пожалуйста, если не трудно. В общих чертах.

Доктор Орэрэ начал сбивчиво и неуверенно, поскольку ему ещё не доводилось делать доклады в процессе скоростной ходьбы по мостам. Но постепенно нужные слова стали выстраиваться в связную историю: он и вправду припомнил резюме своего несостоявшегося выступления и пересказал молодому человеку. Тот слушал очень

внимательно, не перебивая. Лишь когда они уже спустились с моста и свернули на набережную, он спросил:

– Выходит, без креветки никак нельзя?

Орэрэ подтвердил, что никак. Молодой человек как будто даже обрадовался:

– Отлично, доктор. Если вы готовы рассказать всё это нашему клиенту, можете рассчитывать на серьёзное финансирование ваших исследований. Только пара замечаний по ведению беседы, ладно? Во-первых, этот микроорганизм, который креветка передаёт мурене... вы назвали его «паразитом». Очень неприятное слово. Нельзя ли сказать как-то иначе? Симбионт?

– На этот счёт биологи до сих пор спорят.

– Вот и договорились. Если спорят, значит, термин не устоялся, и мы можем использовать более благозвучный. То же самое касается вашей специальности... Вы же последние годы работаете в институте неврологии. Не против, если я представлю вас как нейробиолога?

– Можно и так, – доктор Орэрэ подумал, что, в сущности, это очень мелкие уступки по сравнению с тем, когда тебя тыкают шокером и выкручивают руки.

– И ещё вы сказали, что мурены после этого «теряют агрессивность», – продолжал адвокат. – Давайте не будем эту тему педалировать, ладно? Тут я даже не знаю, как лучше объяснить вам наши культурные коннотации... Ну, вот смотрите: вы же по происхождению маори, так? Если бы кто-то при вас начал склонять «головорезов», вы бы могли принять это на свой счёт. А кто-то из ваших соотечественников, может быть, обиделся бы на выражение «наконец повывели всех головорезов».

– Кажется, я понимаю, – ответил Орэрэ, хотя ничего не понял.

– Вот и хорошо. А остальное всё рассказывайте ему как есть.

###

Средневековый замок был врезан в скалу над обрывом, и из гостиной, куда провели доктора Орэрэ, открывался великолепный вид на один из самых высоких водопадов Шотландии. Доктор постоял пару минут у прозрачной стены, любясь бурным потоком на закате, но потом решил на всякий случай осмотреть помещение. Он ещё не вполне пришёл в себя после утренних событий в галерее и последовавшего затем головокружительного перелёта на частном джете в апартаменты загадочного клиента адвокатской конторы «Иванов, Петров и Глэдстоун». Вид текущей воды успокаивал, но Орэрэ решил, что надо быть настороже.

Увы, интерьер гостиной не производил и десятой доли того приятного впечатления, что давал водопад. Зато вспомнились студенческие времена, когда они с друзьями высмеивали голливудские сериалы за такие вот странные помещения – не просто пустые, а прямо-таки стерильные; даже если там стояла мебель, всё было такое новенькое, чистенькое, только что из магазина. Теперь доктор Орэрэ с удивлением обнаружил, что такие дома бывают и в реальной жизни.

Пол, кресла, резной столик в центре, хрустальный графин и стаканы – всё это как будто полировали по несколько часов, а потом расставляли в идеальном безжизненном порядке. Некоторое разнообразие вносила абстрактная картина, висящая над каминной полкой, – что-то вроде голой женщины, которая взорвалась изнутри. Но картина была неприятной, и глаз на ней не задерживался. В дальнем углу комнаты стояла высокая ваза бледно-зелёного цвета, наверняка древняя и дорогая, но тоже какая-то нелепая в этом стерильном пространстве, где никто не поставил в неё хотя бы сухоцветов.

От вазы к окну тянулся вдоль стены деревянный стеллаж в форме лестницы; внутри его квадратных ячеек что-то пестрело, и вначале доктор Орэрэ принял это за очередной элемент декора. Но, подойдя ближе, разглядел, что перед ним – настоящая прихоть миллионера: стеллаж был забит бумажными книгами. У себя на родине Орэрэ вообще никогда не видел книг, да и на старых континентах он держал их в руках только пару раз, пройдя целый ад архивной бюрократии для того, чтобы добраться до двух печатных исследований прошлого века, которые по ошибке остались неотсканированными.

Он шагнул к стеллажу и стал читать названия на корешках. «Правила долголетия». «Возраст счастья». «Ключ к бессмертию». Похоже, владелец этой библиотеки и вправду очень интересовался продлением жизни. Здесь было всё – от йоги до крионики. А, если судить по толщине, самым основательным трудом была кулинарная книга с рецептами на основе оливкового масла.

– Изучаете мою коллекцию заблуждений?

Доктор обернулся: по винтовой лестнице в гостиную спускался седовласый хозяин дома, а за ним – уже знакомый адвокат Игорь со своим кожаным кейсом. Орэрэ убрал руки с книжной полки.

– Да смотрите-смотрите, не стесняйтесь! И берите себе любую, если понравится. Я потратил на этих шарлатанов столько, что можно было уже построить город на Марсе. С яблонями.

Он подошёл к доктору Орэрэ и крепко пожал ему руку:

– Дима.

Доктор решил пока не смотреть визитку: и так ясно, что обладатель этой руки может почти всё. Загорелый, подтянутый, в белой футболке и шортах, он и двигался как-то подчёркнуто бодро. Наверное, прямо с теннисного корта прибежал. На вид – лет шестьдесят пять, но по жизни, скорее всего, больше. И глаза неуютные, как у собаки.

– Я тут недавно подумал, что все эти заморочки с долгожительством – просто психотравма нашего поколения, – хозяин дома кивнул на стеллаж с книгами. – Родители-то мои ничем подобным не страдали. А вот среди наших... До пятидесяти лет мы воспринимали собственную жизнь как проблему, которую хотелось исправить, а после пятидесяти выяснилось, что это большая ценность, которую хочется сберечь. Теперь куда ни плюнь, попадешь в борца за бессмертие. На днях Женя приезжал со своей «истиной в вине», хвастался, что какие-то особые танины нашёл, якобы главный секрет чеченских аксакалов, которые запросто могут доживать до ста двадцати, если только не режут друг друга. И Юра тоже хохму отмочил недавно. Вроде математик, у Нобелевского лауреата учился, премию научную учредил... А тут я смотрю, Юра наш выступает в передаче про какой-то китайский радиотелескоп. Мы, говорит, ищем инопланетян, самый грандиозный проект века, потому что они нас должны научить... чему бы выдумали? Да тому же, чего Женя в бутылке ищет.

Доктор Орэрэ заметил, что все имена, которые называл его могущественный собеседник, очень похожи на имена древних полинезийских богов и героев: Хема, Уира, Тики... Когда-то и маори давали своим детям такие имена, простые и благозвучные. А теперь сплошные Джеймсы да Бенджамини. Но, выходит, в других странах ещё сохраняются традиции аборигенов. Это хорошо.

– Или вот Паша, совсем ещё молодняк, а туда же, – продолжал седовласый Дима. – Предложил мне вложиться в его новый стартап, «Соулкоин» называется. Мол, обычные хостинги ненадёжны, а нужно ему такое распределённое хранилище для своего дигитала, чтобы никакой хакер не взломал, никакая спецслужба не заблокировала. Так он придумал закодировать своего дигитала в новую квантовалюту! А я ему ответил прямо такими же словами, как вы, доктор, сегодня в галерее Доббсу ответили. Паша, говорю, это же копия. Ко-пи-я! Это не ты. А ты будешь помирать в муках, как все. Какая же тебе радость с того, что после тебя останется говорящий кошелёк, будь он хоть самым квантовым блокчейном закован? Хочешь копий – заведи детей. Сразу поймёшь, чем они от оригинала отличаются, неблагодарные твари...

Он схватил графин так, словно собирался его задушить, резко плеснул себе полстакана, одним махом выпил и крикнул. До носа доктора Орэрэ долетел едкий запах алкоголя. Седовласый тем временем плюхнулся в кресло и сразу как-то обмяк. Потух.

– Старший мне сказал в семнадцать лет: батя, ты всю жизнь воровал и сейчас ворует, когда твои телекомы подписывают старушек на ненужные сервисы. А я, говорит, теорией струн занимаюсь, на которую у тебя мозгов не хватит, – так что не учи меня жить. И средний сынок в том же духе: хочу стать независимым видачом, показывать людям только правду! – и давай всю мою недвижку дронами снимать да на публику выкладывать... Я думал, хоть дочка, младшенькая, по моим стопам пойдёт, будет кому бизнес передать. Души в ней не чаял, все желания исполнял. Лучшие пансионы, лучшие гаджеты. Так что же?

Увлелась экологией. Твои, говорит, вышки мобильной связи, папочка, создают электромагнитное загрязнение, от этого пчёлки умирают... поэтому мы, ультразелёные, будем твои мачты взрывать и спиливать, чтобы бедных пчёлков спасти! Пчёлков, твою мать!

Он снова плеснул себе в стакан и тут как будто впервые заметил, что он не один:

– Доктор, а вы чего не пьёте? Игорёк, налить?

Молодой адвокат смущённо покачал головой и похлопал рукой по кейсу. Доктор Орэрэ понял, что если откажется и он, то хозяин дома совсем опечалится. Но у доктора была уважительная причина.

– Мне нельзя, извините. Гены такие, не переношу алкоголь.

– Ах да, Игорь говорил... – добродушно кивнул Дима. – Помучили ваших предков европейцы, да? Зато теперь у вас там всё на подъёме. А вы-то сами как мощно вломили этому цифровому попу Доббсу! Я, когда вашу запись слушал, так прям ракетку уронил. «Сохранять непрерывность сознания»! Знаете, сколько лет я ждал такой чёткой формулировки?! Чувствовал ведь, чувствовал, а высказать не мог! Может, вам хоть минералки? Молока? Сок папайи?

– Пожалуй, от воды я бы не отказался, – пробормотал Орэрэ.

Дима громко свистнул. В гостиную въехал R2D2 из «Звёздных войн» и свистнул в ответ.

– Яшка, найди доктору минералку, а мне льда, – сказал Дима. – Да не вздумай смешивать, а не то я тебя опять в водопад выброшу.

Робот, похожий на пылесос, снова присвистнул и скрылся. Через минуту он вернулся с заказом и замер около столика.

– Хотя, когда Игорь начал мне рассказывать про вашу технологию, я её тоже в штыки принял... – уже немного осоловевший хозяин поднял палец и погрозил доктору Орэрэ. – Зачем, говорю, мне протез мозга? Но Игорёк – парень ушлый, про непрерывность вашу всё понял даже раньше меня. Знаете, как он мне объяснил? Покажи, Игорёк.

Молодой человек сделал жест в сторону стены. В комнату ворвался рёв двигателей, на стене появилось изображение спортивных машин, несущихся по трассе.

– Мне кажется, «Формула-1» давно бы всем надоела, если бы они не придумали этот трюк, – сказал адвокат. – Помните, когда они отказались от пит-стопов и стали ремонтироваться на лету?

Камера приблизилась к красному болиду «Феррари», мчащемуся впереди всех. Одновременно на машину спикировали сразу четыре жёлтых дрона. Двое присосались к корпусу спереди и сзади, держа болид в равновесии. Третий робот полетел рядом с

правым передним колесом, вращаясь на ходу. Когда его обороты сравнялись с оборотами колеса, из дрона высунулись манипуляторы и молниеносно отвинтили колесо. Робот вместе с колесом взмыл к небу, на его месте тут же оказался другой дрон, с новым колесом – и повторил тот же трюк с параллельным вращением, прикручивая колесо на место. Вся операция заняла не более десяти секунд, при этом болид продолжал мчаться, не снижая скорости. Картинка погасла.

– Ну как, похоже на непрерывность сознания? – спросил Дима и зачем-то стукнул своим стаканом о стакан доктора Орэрэ, прежде чем выпить.

– Похоже... хотя метафора грубовата.

– Тогда ваша очередь! – хозяин дома поуютнее развалился в кресле.

– Давайте-ка с самого начала: как вы открыли эту хитрую креветку?

Доктор Орэрэ протестующе замахал руками:

– Нет-нет, честь главного открытия принадлежит моему учителю, профессору Линдсею из Сиднейского университета. Это случилось более двадцати лет назад. В то время существовало несколько гипотез по поводу поведения креветок-чистильщиков вида *Stemonus hispidus*. Вы наверняка знаете, что они делают: собирают с кожи рыб всяких па...

Он хотел сказать «паразитов», но увидел лицо адвоката. Ах да, не нужно употреблять это слово.

–...практически отходы всякие. Органику, старую слизь, которая у рыб выделяется. А рыбы, включая хищников вроде мурен, при этом не атакуют креветку, позволяя ей вычищать мусор даже между зубов.

Некоторые учёные считали, что это прекрасный пример кооперации и альтруизма в дикой природе. Однако были и такие, кто утверждал, что рыба не способна просчитывать такие далёкие выгоды, как будущая польза от очистки кожи – по сравнению с явным удовольствием от съедения креветки. То есть они полагали, что креветка манипулирует рыбой в одностороннем порядке. Сначала она исполняет перед рыбой некий гипнотический танец усиками, как будто изображает ветку, о которую рыба любит чесаться. А потом креветка начинает эту рыбу приятно почёсывать, то есть опять-таки напрямую воздействует, а не через какую-то отложенную пользу.

– Это более реалистично, – вставил хозяин замка. – Помню, во Вьетнаме мне предложили сунуть ноги в бассейн с такими рыбками, которые старую кожу подъедают. Сначала приятно было, а потом одна меня так куснула за родинку, что я сам чуть не съел эту тварь.

– Совершенно верно, – кивнул Орэрэ. – Иногда и креветки-чистильщики делают рыбам больно. А некоторые рыбы, такие как груперы, вполне могут креветку слопать. И в целом ни одна теория не объясняла, как же они договариваются с муренами. Пока профессор Линдсей не выдвинул гипотезу о том, что в этом союзе участвует некий па... пока не обнаруженный третий участник

симбиоза. И он нашёл этот микроорганизм. Вначале его отнесли к надотряду Rhizocephala, то есть корнеголовые. Но потом стало ясно, что это другой, совершенно неизвестный класс. Это существо начинает свой цикл в креветке, а затем во время «танца чистильщика» передаётся рыбе. А в рыбе этот микроскопический слизень начинает расти удивительным образом – он подменяет собственными клетками некоторые нейроны в рыбьем мозге. В итоге рыба как будто начинает «узнавать» креветку. Словно между ними налаживается связь по общему протоколу.

– Чума! – воскликнул Дима и налил себе ещё.

Сочтя такую реакцию одобрительной, доктор Орэрэ приступил к той части истории, которая касалась его собственного вклада в практическое применение открытия профессора Линдсея. Он рассказал, как десять лет назад, после аспирантуры, его пригласили работать в институт неврологии, в лабораторию, где искали способ восстановления нервных клеток, которые повреждаются или гибнут при таких заболеваниях, как болезнь Паркинсона или болезнь Альцгеймера. К тому времени как Орэрэ подключился к этой работе, его коллеги уже знали о нейрогенезе достаточно, чтобы научиться выращивать новые нейроны из стволовых клеток. Они даже улучшили этот процесс с помощью генной инженерии и нанотехнологий – по некоторым параметрам новые нейроны получались даже надёжнее обычных. Однако оставалась большая проблема с миграцией и интеграцией новообразованных нейронов в нужные зоны мозга: именно это тормозило естественный нейрогенез у пожилых людей. Пробовали увеличивать количество Т-лимфоцитов и многие другие методы – но всё тщетно; новые нервные клетки либо гибли, не приживаясь, либо начинали размножаться бесконтрольно, как рак. Вот тогда доктор Орэрэ и вспомнил открытие своего учителя. Тот самый микрослизень, который умеет аккуратно подменять нейроны, стал в итоге самым успешным «транспортом». Хотя и этот микроорганизм пришлось серьёзно модифицировать, чтобы он делал именно то, что нужно: вживлял новые нейроны на место старых с максимальным восстановлением синаптических связей. На это ушло ещё семь лет экспериментов. Но сейчас вся цепочка отработана до конца. Уже трём десяткам человек удалось помочь.

Как только доктор Орэрэ дошёл до упоминания своих пациентов, молодой адвокат вытащил из кейса папку и положил на столик перед своим главным клиентом:

– Истории выздоровления. У некоторых восстановлено более 70 процентов повреждённых нервных клеток коры головного мозга.

Дима открыл папку, полистал. Поднял руку, показывая большой палец вверх:

– То есть надо просто выпить рюмочку слизняков и...

– Не всё так просто, – возразил Орэрэ. – Креветка тоже участвует в процедуре. Как мы ни бились, нам не удалось вырастить наш транспортный микроорганизм в пробирке: личинки вызревают только в креветке и переходят в следующую стадию только после того, как креветка перенесёт их новому хозяину. Словно она их «включает».

– Ну, это мне по барабану: улитка там или креветка... А сколько времени заняла бы такая процедура, если бы чокнутый старикан вроде меня решил весь свой мозг обновить на новые крепкие нейрончики?

– Это пока только эксперименты...

– Да бросьте, док. Смелого пуля боится. Как вы думаете, сколько мне лет?

– Наверное, около семидесяти. Хотя, если вы ведёте здоровый образ жизни...

– Восемьдесят семь. И неврологи уже намекают, что мои часики затикали быстрее. Все остальные органы можно подновить и восстановить, я прошёл уже кучу таких операций. Но с деградацией мозга так и не разобрались. А пора уже... Как долго идёт это ваше приращивание?

– Весь мозг? Примерно два года.

В гостиной повисла напряжённая тишина. Молодой адвокат выразительно посмотрел на доктора Орэрэ и сделал некий знак глазами, но доктор не понял, что это значит. А потом на него поднял свои собачьи глаза хозяин замка. Кажется, он моментально протрезвел:

– Вы же не с потолка эту цифру взяли, доктор? Я люблю точность в цифрах. Не шутите со мной.

– Это не шутка! – дрожащей рукой Орэрэ взял стакан и глотнул воды. – Я сейчас объясню. Помните, про «Феррари» я сказал, что метафора грубая? И вот почему. У дрона-ремонтника есть схема гоночной машины, статично записанная в конкретных ячейках памяти. Если хотя бы пара из этих ячеек повредится, полную схему уже не извлечь, может произойти авария. Однако нейронная память работает иначе. Гибче. Это можно представить как... Знаете, у нас есть такой народный танец – хака. Раньше воины-маори исполняли его перед битвой. Но, если вы его не видели, можно любое другое шоу вообразить, где много народу согласованно танцует. Так вот, каждое ваше воспоминание – это коллективный танец большой группы нейронов. Но при этом нет такого единого фиксированного места, где была бы записана полная схема танца. Просто каждый танцор помнит свои движения, свои локальные связи. И чем чаще он танцует, тем лучше помнит. Пока моё сравнение понятно?

– Абсолютно.

– Теперь представьте танцора, который забыл свои движения. Что бы вы стали делать?

– Уволить козла.

– А если этот танцор – вы сами? И вы уже на сцене, и музыка уже гремит?

Пожилой олигарх молчал, уставившись в пространство с самым мрачным видом. Но вдруг на тонких губах заиграла улыбка:

– Дошло. Ему же друзья помогут! Остальные танцоры помнят движения. Один слева дёрнул, другой справа. Значит, и он научится снова, по ходу дела, в общем хороводе... Стоп! Не говорите дальше, я сам, – Дима властно поднял руку. – Должна быть критическая группа, так? Если привести в танец сразу большую толпу новичков, а старых танцоров будет мало, они не смогут обучать на лету. Не будет непрерывности сознания! Значит, надо приращивать новичков понемногу. Хотя если общий счёт нейронов в мозге идёт на десятки миллиардов, то наверняка можно заменить несколько тысяч за один раз... В общем, если вы знаете критический процент обновляемых и необходимое время задержки... Да, доктор, я понял, как набегают два года. Игорёк, ты привёл правильного мужика. Подготовь все документы. Мы в деле.

###

Когда у него стали выпадать волосы, он не на шутку перепугался. Это началось очень резко, после первых же процедур: огромный клоч седых волос оставался между пальцев каждый раз, когда он проводил рукой по голове, и буквально за три дня он полностью облысел. Доктор Орэрэ уверял его, что это не имеет никакого отношения к процедуре обновления нейронов – просто в другом полушарии другой климат, другой состав воды, ничего страшного... Звучало неубедительно, но ещё через неделю на голове опять появилась щетина. А вскоре он заметил, что половина новых волос сменила цвет: они стали чёрными, как раньше. Смешиваясь с остатками седины, они образовали на голове пёстрый ёжик, и их обладатель стал выглядеть значительно моложе.

Процедуры проходили шесть раз в день. То к правому, то к левому уху (доктор Орэрэ сказал, что естественный канал для инвазии – самый лучший) присоединяли пластиковый контейнер с морской водой, в которой плавала креветка. Она слегка щекотала ухо пациента, поедая частицы его старой кожи и одновременно передавая ему очередную порцию «транспортных» микрослизней. Сеанс занимал около сорока минут, после чего пациент был свободен до следующего сеанса.

Дважды в неделю делали сканирование и тесты. Доктор Орэрэ настоял, чтобы перед началом процедур пациенту удалили коммуникационный чип и все сенсоры-импланты, поскольку они могли помешать и сканированию, и приращиванию новых нейронов. Взамен ему выдали планшет, вроде того, каким он пользовался когда-то в молодости; только так он мог теперь общаться и со своим искин-секретарём, и с остальным миром. Особенно неудобно стало проводить совещания с топ-менеджерами всей его огромной телеком-империи: он привык наблюдать за лицами, а в планшете лица отображались не лучшим образом.

Однажды, отправившись на прогулку в ближайший городок, он забыл планшет в лаборатории. В итоге очередное совещание успешно прошло без него, а он в это время нашёл отличную парикмахерскую в старом стиле: там работали не роботы, а люди, пара добродушных толстяков-маори с настоящими опасными бритвами. Пожалуй, можно сократить число совещаний, подумал он; лучше побольше гулять. Доктор Орэрэ считал так же. Помните о танцорах, говорил доктор. Размышляйте, вспоминайте, включайте все свои чувства. Не зацикливайтесь на экранчике с одним набором лиц.

Городок, по сути, был университетским кампусом, специально построенным на полуострове, вдали от индустриальных центров. А лаборатория, где работал доктор, находилась на окраине кампуса, у самого океана. Необходимость возвращаться на процедуры означала, что пациенту нельзя отходить далеко: либо кампус, либо пляж. И постепенно пляж стал занимать его гораздо больше.

Началось с того, что он увидел на берегу темнокожего ребёнка, который прикладывал к уху большую раковину. Играет в смартфон? Но он тут же вспомнил: нет, это другое, он сам делал так когда-то давно, когда и мобильных ещё не было... Он попросил у мальчишки раковину и убедился, что прав: внутри шумел другой, внутренний океан. Тогда он нашёл на берегу ещё несколько раковин, и они с пацаном отлично провели время, сравнивая звуки внутренних океанов. С тех пор процедуры с креветкой уже не казались ему такими противными. Когда к голове присоединяли контейнер, он как будто слушал океан и креветку в нём.

А в промежутках между процедурами росла его коллекция раковин. Он велел своему искину-секретарю скачать атлас-определитель, и теперь, стоило навести камеру планшета на ракушку, голос искина тут же рассказывал, что это за моллюск. Но этот голос был слишком... В общем, не вписывался в пейзаж. Он отключил искин и стал определять ракушки самостоятельно, просто листая страницы атласа на экране. Океан отлично подыгрывал: каждый день на отливе встречалась новая неизвестная ракушка.

В поисках таких находок он с каждым днём уходил всё дальше вдоль пляжа и однажды наткнулся на рыбаков. Один – старик, другой – подросток, наверное, внук. Рыбаки выгружали улов из длинного деревянного каноэ: младший стоял на берегу с широкой плетёной корзиной, старший бросал ему из лодки плоских серебристых рыб, похожих на металлические тарелки. Любопытный пришелец ничуть не смутил эту пару: на ломаном английском они рассказали ему, что остатки их вымирающего племени «морских цыган» переселили на этот новый континент с какого-то маленького острова в рамках программы восстановления традиционных культур. А он рассказал им, что собирает ракушки, и они назвали все его находки на своём языке и потом долго смеялись, когда он пытался повторить эти певучие слова.

Он встречался с этими рыбаками ещё не раз, сидел с ними в сумерках у воды, слушал рассказы старшего о повадках рыб – и думал о том, что это тоже ему знакомо: в детстве отец брал его по выходным на рыбалку, и это были удивительные просветы в серых буднях школы. А ещё были летние поездки на море: блочный пансионат в соснах, очередь в столовую за липкими макаронами, вечно ругающиеся родители,

долгий спуск по жаркому серпантину горной дороги и вдруг – бесконечная синева, которая прекраснее всего на свете, надо только надеть маску... Нет, вспомнил он. В маску надо вначале плюнуть.

На кампусе нашёлся магазинчик для дайверов. Бойкая девица, похожая на его дочь Анну, помогла выбрать гидрокостюм. Но, когда разговор зашёл об остальном снаряжении, строго спросила, доводилось ли ему вообще нырять с аквалангом. Он не без гордости ответил, что в молодости они с друзьями в Таиланде запросто погружались на 30 метров. Девица сказала, что с тех пор в дайвинге появилось много нового, и предложила взять пару занятий с инструктором. Он пошутил, что всё новое – это провал в памяти у кого-то старого. Но больше спорить не стал, записался на занятия.

Погружения прошли успешно, и он очень порадовал молодого инструктора тем, что умеет продувать уши тремя разными способами. Однако сам он при этом понял, что его совершенно не манит большая глубина. Тогда, в молодости, они с друзьями играли в рекорды. Но что там смотреть, на этой тёмной глубине? Да и снаряжение как-то сковывает...

Он вернулся в магазин, купил лёгкие очки и заодно спросил про гаджет, который мельком заметил на витрине: пара маленьких чёрных конусов с гибкой перемычкой. Затычки для носа, что ли? Нет, сказала продавщица, эти штуковины делают кислород прямо из воды – достаточно вставить в ноздри, и ныряй себе. Пожалуй, самое то, согласился он. Девица оглядела его с сомнением и, видимо, для того, чтобы смягчить сообщение о цене, сказала со вздохом, что ей на такие дыхалки нужно копить года три. Он сказал, что возьмёт два комплекта, тут же расплатился отпечатком пальца и отдал вторую коробку ей. Она посмотрела на него с испугом. Потом засуетилась, предложила стать его гидом по самым красивым дайверским местам побережья. Но он, вспомнив слащавый голос своего искина-секретаря, ответил, что ему не нужна компания. Впрочем, если нарисуете и пришлёте мне карту таких мест, мы сочтёмся, добавил он.

После этого он стал проводить в океане почти всё время, остававшееся между процедурами: плавал на небольших глубинах, даже без ласт, с одними только дыхалками и очками. Иногда нырял, но чаще просто висел в воде над коралловым рифом, наблюдая жизнь его обитателей, затем переплывал к другому рифу и наблюдал там. А вернувшись на берег, читал на планшете сообщения от дочери, которая в очередной раз не могла до него дозвониться, переживала и советовала поговорить с доктором Орэрэ о том, не вредно ли так долго плавать.

Он и поговорил. Но о другом. Он заметил, что, плавая далеко и долго, совершенно не испытывает страха – как испытывал при посадке самолёта, или на крыше небоскреба, или в слишком плотной толпе... Он мог бы назвать ещё несколько своих страхов, которые, если разобраться статистически, были полной ерундой по сравнению с его рискованными одиночными заплывами в океан, где можно в любой день получить парализующий ожог от маленькой кубомедузы или попасть в сильное течение, уносящее от берега. Да мало ли ещё чего. Но он почему-то совсем не боялся океана.

Орэрэ в ответ рассказал гипотезу о водных обезьянах. По его словам, эволюционисты давно высмеяли эту гипотезу, но в ней было несколько интересных идей. Взять хоть «морских цыган», этих рыбаков из соседней деревни. Они отлично видят под водой, потому что хрусталик их глаза умеет менять форму при погружении. Плюс увеличенная селезёнка, настоящий кислородный баллон, позволяет им охотиться за рыбой на двадцатиметровой глубине, задерживая дыхание на целых пять минут. И главное – феноменальная ловкость рук во время этой охоты. Ленивым сухопутным обезьянам, рвущим бананы в джунглях, подобная ловкость ни к чему... так где же шла эволюция? Может, и у вас проснулась память предков, заключил доктор с улыбкой.

И пациент его продолжал плавать, действительно чувствуя в этом что-то родное: он мог часами лежать на волнах и наблюдать подводную жизнь – и никогда не ощущал ни скуки, ни одиночества. Медленный мир океана заполнял теперь и его сны; даже если во сне всплывало какое-нибудь лицо, оно быстро превращалось в актинию или в морскую звезду среди знакомых кораллов. Он совершенно перестал интересоваться, что происходит с его бизнесом, зато обнаружил, что на него реагируют рыбы. Нет, они, конечно, и раньше реагировали, ловко уворачиваясь от его рук. Но теперь он открыл, что, если тихонько шевелить пальцами в определённом ритме, рыбы плывут обратно, прямо к нему, а некоторые даже тыкаются мордами в пальцы.

Вскоре после этого открытия он поймал первую из них. Даже не думал, что сможет это сделать, движение вышло как-то само собой: медленно шевеля пальцами правой руки, он подманил к себе полуметровую рыбу-попугая, а потом сделал резкий выпад левой ладонью – так, что большой палец вошёл рыбе под жабры, – и крепко схватил её.

Он так удивился своему успеху, что тут же отпустил попугая. Но утром следующего дня поймал тем же способом ещё три крупные рыбины, названия которых даже не знал, и принёс в лабораторию, как раз к очередной процедуре с креветкой. Доктор Орэрэ поцокал языком и поручил своей аспирантке изжарить улов по старинному маорийскому рецепту – на камнях, раскалённых газовой горелкой. А пациенту на всякий случай сообщил, что рыбу ловить без лицензии нельзя, мы же не цыгане, хотя... если попадётся снова вот такая, с розовой полосой, то лучше брать именно её, она вкуснее всех, и кстати, у мурен мясо тоже очень нежное, надо только остерегаться их зубов... Через несколько дней пациент поймал мурену.

У него почти не осталось седых волос. И после той истории, когда волосы выпали, а потом стали расти опять, он почти не задумывался, как влияет на него процедура обновления нейронов, – словно тот страх, развенчанный новыми волосами, без боя уступил место полной беспечности. Мысль о побочных эффектах вернулась лишь однажды, когда, вытащив из воды очередную рыбку, он вдруг почувствовал странное желание облизать её слизь. Но желание было сильнее тревоги, а когда он облизал рыбу, то испытал такое удовольствие, что всяким лишним мыслям уже не оставалось места в голове.

####

На этот раз доктору Орэрэ дали нормальную гостевую визу на полгода. Все обвинения против него были сняты. Поэтому, увидав на входе в «Тейт Модерн» быковатого Робби, доктор не удержался: поднял ладонь к голове и изобразил старинное военное приветствие, которое видел однажды в кино. В глазах охранника галереи вспыхнул злобный огонёк узнавания, но он тут же отступил и демонстративно отвернулся.

А перед доктором снова был Турбинный Холл, набитый людьми, как витрина рыбной лавки – сардинами. Однако теперь выступать должен был он сам. Доктор Орэрэ взошёл на трибуну, поприветствовал собравшихся и рассказал, зачем их пригласили сегодня в это огромное помещение. Он понимал, что все ждут выступления другого человека, и старался говорить покороче, только самое главное. Новая технология управляемого нейрогенеза позволяет... первый случай полного и успешного... при сохранении всех когнитивных... может обеспечить значительно более долгую... ну и, собственно, встречайте виновника торжества, получите доказательство из первых рук.

Пока его пациент шёл к трибуне, доктор отметил, что не только причёска, но и походка пациента изменилась с тех пор, как они впервые встретились в том шотландском замке у водопада. Тогда он передвигался чересчур импульсивно, словно встревоженный кузнечик.

Теперь по залу шёл немного уставший, но спокойный танцор. Он поднялся на трибуну, оглядел публику и сказал:

– Вечная жизнь... У вас нет воды?

Ему тут же подали воду. Он внимательно посмотрел в стакан сверху вниз, точно в микроскоп. Потом налил воды в подставленную лодочкой ладонь, плеснул себе в лицо – и произнёс странную певучую фразу, которую не понял ни один человек в зале. Не понял её и доктор Орэрэ, но он хотя бы узнал язык. Морские цыгане.

– Вечная жизнь есть. Но не здесь, – пациент снова заговорил по-английски. – А здесь душно и некрасиво. Я лечу домой.

Он сошёл с трибуны и удалился. Никто даже не успел его остановить. Спустя несколько секунд озадаченной тишины где-то в дальнем углу раздались одинокие хлопки, и вся публика, словно опомнившись, разразилась бурной овацией. На трибуну поднялся кто-то от галереи и компенсировал лаконичность предыдущих ораторов затяжными дифирамбами в адрес виновника торжества, который часто выступал спонсором выставок и акций галереи, но это, конечно же, не идёт ни в какое сравнение с тем великим экспериментом, с тем гимном человеческой жизни, с тем шедевром, который он создал из себя самого...

Этот момент показался доктору Орэрэ наиболее благоприятным, чтобы тоже покинуть зал. Он стал пробираться к выходу, но тут, к ужасу своему, обнаружил, что его окружили. Да-да, именно его: кольцо неумолимо сжималось. Он всмотрелся в лица и узнал их. Это были родственники пациента. Красивая женщина в годах, с роскошной копной каштановых волос – жена. Рядом с ней двое высоких мужчин с явными отцовскими чертами – сыновья. С ними жёны, дети, ещё какие-то люди в пиджаках – наверное, телохранители. Все они шли прямо на доктора с очень целеустремлёнными лицами.

Он приготовился уже закричать, чтобы его не трогали, как вдруг все эти люди... стали наперебой благодарить его. Они брали его за руки, называли гением, обещали никогда не забыть и даже приглашали на Рождество.

Благодарили и адвоката Игоря, оказавшегося рядом. Первым его обнял крупный лысый тип со шрамом на шее. Обнял так, что Игорь как будто даже хрустнул, но выдержал. «Отлично сшил дело, малёк! – пробасил лысый. – А я-то, старый шпindel, до конца не верил, что у тебя выкроится такой малиновый подклад. Стало быть, пора на отдых мне. Принимай контору, теперь она твоя».

Потом молодого человека обнимала женщина с каштановыми волосами, а её взрослые сыновья уважительно трясли его руку. А дочь пациента, худенькая веснушчатая девушка в зелёном, даже украдкой поцеловала адвоката, и они вдвоём успели о чём-то пошептаться за спиной доктора Орэрэ, пока тот стоял в ступоре, не понимая, что происходит.

– Вы чего такой печальный, док? – Игорь хлопнул его по плечу, когда толпа стала расходиться. – Проверьте-ка свой счёт, там должен быть неплохой грант на ваши исследования. Так что пойдём отмечать успешное окончание эксперимента! На том берегу есть отличный ресторанчик на Хай Тимбер Стрит, я вам рассказывал...

Доктор Орэрэ покорно вышел за адвокатом из галереи. Он нервно пощипывал свою треугольную бородку, но молчал. Так они дошли почти до самого конца моста Тысячелетия.

– Ладно, выкладывайте, что вас гложет, – Игорь повернулся к доктору и поправил очки на переносице. С Темзы налетел ветер и разметал его соломенную чёлку.

– Два года назад, когда мы уезжали, мне казалось, что все родственники его ненавидят. Не понимаю, с чего они так радовались сегодня?

– Ах, это... Да, у нас вышел интересный юридический казус. Дело в том, что права новых форм постжизни – до сих пор тема больших дебатов. Преподобный Иан Доббс и его сектанты очень старались протащить в законодательство идею о том, что между дигиталом и его живым предшественником вообще нет никакой разницы. Но здешние законотворцы хоть и продажные, однако крупицу разума сохранили. В итоге передача прав от человека к его дигиталу выглядит практически как завещание.

– То есть они признали, что при дигитализации оригинал умирает?

– О нет, что вы! Специально ради Доббса там сделали очень туманную формулировку. Что-то типа «временной потери дееспособности». Вроде как человек приболел, а потом выздоровел, прошёл тест на идентификацию личности – и восстановил свои права. И только в самом конце такого завещания мелким шрифтом прописан вариант «непредвиденных обстоятельств» – вот тут уже, как в случае смерти, работает классическое наследование. Однако этот пункт никогда раньше не применяли, поскольку оцифровка работает безупречно. И это очень расстраивает родственников богатых людей. Ведь если дедуля завещает всю собственность своему дигиталу, который вечен, это означает, что его родне не достанется ни кванта. В нашем же случае к новой форме постжизни применили аналогичный порядок делопроизводства, но...

– Но в нашем случае родня счастливая... они получили всё его состояние? – прозрел доктор. – А разве у нас что-то пошло не так?

– Вы же сами видели. Это теперь совершенно другой человек. Даже выглядит иначе. А знаете, что он имел в виду, когда сказал «полечу домой»? Он сейчас летит не в свой замок, а на вашу Нову-Нову.

– Но ведь формально...

– Формально даже хуже. Помните, когда вы спорили с Доббсом, он сказал, что сертифицированные дигитарии обеспечивают точное копирование? Но в вашем эксперименте ничего точного и сертифицированного не было и в помине. Даже международный статус вашего континента до сих пор непонятен. А если уж совсем крюкотворством заняться... У него же теперь куча чужой ДНК в голове. Один мой коллега, очень опытный юрист, считает, что новая личность в данном случае гораздо больше ассоциирована с тем существом, которое непосредственно занималось вживлением новых нейронов.

– То есть по закону он... креветка?!

– Точнее, креветка с её маленькими друзьями-паразитами, которые захватили мозг нашего клиента и вызвали там необратимые изменения. Но поскольку у нас есть добровольное согласие клиента на эксперимент, к вашему институту не будет никаких претензий.

– Но как же он будет жить, если у него всё отобрали?

– О-о, не беспокойтесь! Анюта хочет... – молодой человек вдруг запнулся и даже слегка покраснел. – Я имел в виду, дочь нашего клиента... она оформила опеку и будет заботиться о нём. У неё диссертация по экологии Северного Ледовитого океана, и она считает, что отец в новом виде может быть ей полезен.

Орэрэ вцепился в перила моста и смотрел в тёмную воду Темзы, пытаясь осмыслить услышанное. Что же за люди придумывают такие дьявольские схемы обогащения?

– Знаю-знаю, что вы сейчас думаете, – вздохнул Игорь. – Что я цинично, только ради бабок, обвёл его вокруг пальца. Но я вам вот что скажу. Работа адвоката – защищать своего клиента со всеми его странными желаниями. Поневоле обучаешься разбираться в желаниях. И я заметил такой феномен, частенько бывает: даже если человек не может удовлетворить своё скрытое желание, оно никуда не девается. Это такая сила, которая стучится изнутри долгие годы. Значит, это не случайная прихоть. И этот человек мог бы стать совсем другим, если бы окружающие условия и обстоятельства были другими. Вам кажется, что мы подставили клиента. Но он никогда раньше не выглядел таким счастливым, как сейчас. Может быть, мы его освободили?

– Освободили?.. – повторил доктор, словно он стал эхом моста Тысячелетия.

– Ну да. Помогли его сознанию вытащить наружу и реализовать то, чего он хотел на самом деле. Представьте, если бы он с детства жил там, у океана. Без всего того, что свалила на него здешняя жизнь. Возможно, он произнёс бы те же самые слова, что и сегодня, только без нашей помощи.

Адвокат облокотился на перила моста рядом с доктором, наблюдая за его реакцией. Но доктор не отвечал, и молодой человек перевёл взгляд на тот берег, откуда они только что пришли:

– Баг ты мой, а ведь он прав! Кому пришло в голову разместить галерею современного искусства в таком уродливом доме? Это же просто помесь мавзолея с крематорием!

Доктор Орэрэ тоже посмотрел на противоположный берег. Он хотел сказать, что никогда в жизни не видел ни мавзолея, ни крематория. Но, глядя на серое каменное здание галереи «Тейт Модерн» со зловещей трубой посередине, он подумал, что в данном случае понимает этого чужого человека. Он даже мог бы добавить, что ему не особо нравится и этот мост из стальной паутины, словно бы сплетённый гигантским пауком специально для того, чтобы заманивать людей в то мрачное здание.

А ещё он подумал, что, хотя виза у него на полгода, он вряд ли задержится здесь дольше недели. И эта мысль его немного успокоила.